
САД
ВИКТОРИЯ
КАМИЛЛА ВОРОНИНА
18+

Камилла Воронина
Сад "Виктория"

https://litres.ru/75006517
SelfPub; 2026

Аннотация

После медийного скандала на молдавском телевидении журналистка Божена Руссу вынуждена перебраться в провинцию. Пытаясь вернуть себе профессиональную уверенность, она берется за резонансный репортаж для местного телеканала о селекционере, который в одиночку отстаивает участок с экспериментальным садом-теплицей, чтобы помешать городским властям построить автомагистраль. Но чем ближе Божена узнает нового возлюбленного, который создал уникальный оттенок гвоздик, цвета запекшейся крови, в память о деде-узнике фашистского плена, тем острее чувствует: за маской нелюдимого садовода скрывается человек, чья страсть к цветам требует жертв и граничит с одержимостью. В июльской тишине маленького городка начинается смертельная игра, в которой хрупкие лепестки важнее человеческих жизней.

Психологический триллер с элементами криминального нуара, в котором сквозь аромат редких цветов и влажной земли просачивается тягучий запах тлена.

Камилла Воронина
Сад "Виктория"

Камилла Воронина
Сад «Виктория»
роман-повесть

…для меня мир не делится на то, что прилично и что неприлично.
Для меня главное в жизни – красота.
Джон Фаулз, «Коллекционер»

Глава 1.

От утробного рева экскаватора задрожали стекла в рассохшихся оконных рамах. К вибрирующему низкочастотному звуку добавился скрежещущий лязг металла: «Катерпиллер» начал методично вгрызаться в рыхлую податливую землю. Разбуженный грохотом техники Виктор подскочил на кровати, будто пружины старого полосатого матраса разом выдали двухсотдвадцативольтовый разряд. Он рванул к открытому окну, тонкое байковое одеяло цвета зелёнки полетело на пол вслед за ботаническим атласом.

Дом Виктора Винина стоял на отдаленной, заросшей курчавым спорышом улице молдавской Твардицы и был обнесен густой вьющейся изгородью. Летом его можно было най-

ти лишь по струйкам сизого дыма из кирпичной трубы. За стеной разросшегося девичьего винограда начиналась территория экспериментального сада-теплицы «Виктория».

- Стойте! – заорал Виктор, выскакивая на террасу, спросонья его голос перешел на фальцет.

Воздух был густо пропитан выхлопными газами и едкой дизельной вонью вперемешку с перегретым машинным маслом и петрикором. Возле поликарбонатного купола теплицы, напоминавшего издали летающую тарелку, суетились люди в оранжевых жилетах поверх грязно-синих комбинезонов. Еще одна желтая «гусеница», клацая зубастым ковшом, тяжело разворачивалась, перерезая путь к отступлению.

- Вы что творите?! – яростно вопил Виктор, бросаясь на коренастого прораба в засаленной каскетке. – Это частная собственность! Здесь уникальные гибриды!

Усатый молдаванин с лицом, будто вырубленным из темного дерева, смерил Виктора в трусах равнодушным взглядом. Пока тот скакал вокруг, размахивая руками, бригадир вытащил из кабины бульдозера пластиковую папку и протянул потёртый планшет с постановлением полуголому хозяину участка.

- «Изъятие земель в связи с истечением срока аренды и строительством государственного объекта «Объездная дорога М59», - читал Виктор, судорожно водя пальцем по строчкам. Буквы прыгали перед глазами.

- Угу, твоя земля отошла примэрии, - кивнул усач, поче-

сывая пузо под жилеткой.

Виктор выхватил листок из планшета и разорвал пополам. Еще раз, и еще, пока в кулаке не осталась влажная бумажная труха. Его начинало лихорадить, кадык ерзал вверх-вниз, а лицо пошло красно-бурыми пятнами. Земля. Они хотели уничтожить дело всей его жизни - годы бесконечной селекции, прививок, изучения исследований по ботанике и борьбы за цвет. Все эти пятнадцать лет он выводил «Сангри Блад Рэд» - редчайший сорт гвоздик цвета запекшейся крови. За семена таких цветов, способных менять оттенок от алого до почти черного в зависимости от угла падения света, селекционеры Японии, Италии, Германии и Португалии были готовы пойти на многое. Лист ожидания в гроссбухе был расписан на год. Пакетик семян или сочный мясистый черенок стоили хороших денег, но Виктора финансы не интересовали. Единственное, что его искренне радовало – тот самый недостижимый оттенок. Глубокий, бархатистый, вспыхивающий в каждом лепестке тревожным огнем при малейшем изменении освещения.

- Какая аренда?! – разъяренно шипел Винин, наступая на усатого крепыша, - Я купил этот участок в две тысячи третьем! Есть свидетельство!

Из-за спины бригадира неторопливо вышел человек в синем полиэстеровом костюме. В руках, как четки, он крутил связку ключей от машины. Выглядел он так, будто пару предыдущих ночей провел в багажнике, а теперь ненадолго

его выпустили подышать.

- У вас договор долгосрочной аренды земли сельскохозяйственного назначения, оформленный через агентство недвижимости «Золотой Колос-Кишинэу», - произнес он.

Говорил юрист на ломаном русском с певучими интонациями румынского, театрально растягивая гласные.

- Был… - добавил он с чрезмерным сочувствием, подняв указательный палец к небу. - На пятнадцать лет. Срок окончания аренды - сегодняшнее число. Агентство ликвидировали пару лет назад. Теперь собственник – примэрия. Вы, вероятно, плохо знали язык, когда подписывали бумаги?

Виктор молчал. Кровь отхлынула от лица, сделав кожу мертвенно-серой, и застучала дробью в ушах и горле. В начале двухтысячных он знал румынский на уровне дешевого туристического разговорника. Положился на улыбчивых посредников в блестящих кожаных куртках, которые обещали бессрочное владение райским уголком. Они хлопали его по плечу и угощали домашним вином, гениально и просто облапошив восторженного чудака-ботаника.

- Пошли вон, - шепотом сказал Виктор.

- Вам нужно освободить территорию. Одеться бы тоже не помешало, - обратился к нему подошедший полицейский.

- Неделю! Мне нужна неделя! – взмолился Виктор, обращаясь к собиравшемуся уходить юристу. – Я соберу деньги! Или перевезу сад! Вы понимаете, что он уникален?! Если нарушить температурный режим или влажность, сорт погиб-

нет! Навсегда!

Юрист сочувственно скривился, посмотрел на экран телефона, а потом в задумчивости окинул взглядом усатого бригадира и бульдозеристов, которые высунув головы из желтых кабин, с любопытством наблюдали за разворачивающимся жизненным трагифарсом.

- Хмм…. По регламенту у вас семьдесят два часа на обжалование постановления. Знаете… Есть, конечно, возможность... приостановить работы... до конца недели… но придется компенсировать простой техники, - юрист потер большой палец о подушечки указательного и среднего, - Если к понедельнику документов на собственность или суммы выкупа не будет, пеняйте на себя.

Глава 2.

180 тысяч евро плюс стоимость простоя техники. У Виктора таких денег не оказалось бы даже при условии, что он разом распродаст все до единого редкие экземпляры цветочной коллекции. Да и выставлять семена на аукцион раньше сентября он не мог – они вызревали строго по графику. Пойти за деньгами в банк? Кредитный инспектор рассмеется ему в лицо, когда в качестве обеспечения по займу увидит гербарий.

Виктор бесцельно бродил по саду, рассекая влажную духоту экспериментальной теплицы. Купольная конструкция из оцинкованной стали была воплощением его мечты и од-

новременно первенцем инженерной мысли одержимого ботаника. Покрытие из сотового поликарбоната в шесть миллиметров рассеивало свет переменчивого молдавского солнца и спасало нежные лепестки «Сангри Блад Рэд» от ожогов. Каркас чуть поскрипывал на ветру. «Весной нужно осмотреть швы. Если есть царапины, пойдет ржа… - отметил про себя Виктор и тут же осекся. - До какой весны?».

Плотные полиэтиленовые шторы на магнитах разделяли пространство теплицы на несколько частей. За спиной Виктора осталась «мокрая зона» у входа, где на стеллажах зеленели кассеты для проращивания. Над ними монотонно гудел дешевенький вентилятор, выгоняя сизый туман фунгицидов по гофрированной трубе в специально вырезанное в поликарбонате отверстие. Рабочая зона представляла длинный узкий стол, где господствовал исключительный порядок. Банки со спиртом, ватные диски и старые зубные щетки с хозяйственным мылом для чистки секаторов и другой садовой утвари были аккуратно разложены по местам.

В глубине теплицы, в «жилой зоне», у Виктора находились взрослые растения. Янтарный кварц, столь любимый голландскими селекционерами, Виктор заменил на толстый слой рыжего керамзита, рассыпанного прямо поверх грунта. Днем камни жадно впитывали тепло, а ближе к ночи медленно отдавали его корням. Одновременно керамзит работал как мульча – сорняки гибли, а торфяная смесь оставалась влажной. Только так можно было обмануть вездесущую

гниль. Возле каждого куста стояли бамбуковые подпорки, обмотанные грубой джутовой веревкой.

Таймер капельного полива мерно отсчитывал минуты. Виктор был противником гидропоники. Два бака по двести литров стояли снаружи, возле домика с облупившейся голубой верандой, а внутри теплицы урчала китайская помпа, гонявшая воду по сети прозрачных гибких трубок. Цикл перезапускался со старенького смартфона строго по заданной программе. Фитолампы были светодиодные, полного спектра. Они могли работать в трех режимах: четыре тысячи кельвинов – имитация дневного света, две тысячи – для тёплого оранжево-желтого, и шесть тысяч – для белого с голубоватым оттенком. В холодную или пасмурную погоду этого хватало для досветки, и теплица издали напоминала маленькую светящуюся летающую тарелку. В первую зиму ее вид вызвал тревожное любопытство соседей с близлежащих улиц, но со временем все привыкли к чудаковатому ботанику и его цветному космолету.

Музыка Чайковского наполнила оранжерею, возвращая Виктора из вязкого омута размышлений о финансах к реальности. На экране смартфона высветилось улыбающееся в домофонную камеру лицо женщины лет тридцати пяти. Виктор сразу узнал ее – ведущая местного телеканала. Ярко-синий костюм, темные волосы с медным отливом. Несмотря на широкую улыбку, взгляд журналистки оставался серьезным.

- Виктор Александрович? Божена Руссу, программа «Ме-

сагер», - представилась девушка, держа в руках микрофон, обернутый черной поролоновой ветрозащитой, - Нас завалили звонками и письмами ваши коллеги – цветоводы из Эрфурта и Санремо. Это правда, что гвоздики настолько редкие, что стоят как бриллианты?

Божена сделала шаг вперед и протянула руку Виктору, который вцепившись испачканными землей пальцами в пластиковый флакон-пульверизатор, в замешательстве смотрел на нее. «Журналистка? Камера? Эфир? Какое это имеет отношение к ста восьмидесяти тысячам евро?» - истощенный бессонницей разум отказывался выстраивать логические цепочки.

- Давайте сделаем сюжет, - Божена понизила голос до доверительного полушепота, четко выговаривая каждое слово. - Соберем донаты! Спасем вашу «Викторию»! Зрителям нравятся истории про таких увлеченных исследователей, как вы, и цветы у вас редкие и красивые. Давайте выйдем в прямой эфир прямо из теплицы? Расскажете и покажете ваш сад. Люди любят помогать!

«Давайте, давайте, давайте», - Виктор закатил глаза, и медленно перевел взгляд на накрашенные карминовые губы Божены. Он никак не мог поверить, что кто-то будет переводить деньги человеку, который просто не хочет подпускать бульдозеры к своим цветам? Но… с другой стороны… Если в примэрии увидят эфир, а видео со стенающим селекционером среди редчайших цветов попадет в соцсети перед са-

мыми выборами в местный совет, может, найдутся средства из резервного фонда местной коммуны. Те самые, что держат про запас на случай укладки плитки в парке или покраску остановок. «Шанс призрачный, но шанс!», - улыбаясь ходу собственных мыслей, селекционер разжал пальцы. Пластиковый флакон полетел вниз и упал к ногам журналистки. Виктор протянул руку Божене и бережно пожал ее мягкую и теплую ладонь.

Глава 3.

Интервью снимали у входа в теплицу. «Бетакам» установили на штатив возле двери, чтобы не нарушать микроклимат экспериментального сада и не повредить случайно систему полива. Дополнительный свет Виктор устанавливать категорически запретил, заявив, что он спровоцирует у растений выброс стресс-фитогормонов, а значит, они потеряют уникальный бархатисто-красный оттенок.

Драгош, оператор и напарник Божены, выстраивал кадр, тщательно проверяя исправность микрофонов. Глубокие залысины блестели от сосредоточенного напряжения и невыносимого июльского зноя, но он был рад наконец-то заняться делом. Битый час ему пришлось изнывать от духоты в своем синем «Фокусе», ожидая, когда журналистка уговорит нелюдимого ботаника на интервью.

Драгош хорошо знал свое дело: крупные руки двигались выверено, компенсируя малейшие наклоны штатива. Плав-

ное панорамирование вслед за рукой Виктора, берущей секатор. Мягкий наезд на фактуру темных бархатных лепестков. Из старой оптики оператор выжимал максимум, поэтому на местном телеканале по праву считался повелителем света и звука. Драгошу было дурно от жары, но в процессе утомительной статичной работы он, как истинный профессионал, излучал почти дзеновскую безмятежность.

Пока журналистка приводила себя в порядок, поправляла волосы и макияж, Виктор методично мыл руки, выскребая жесткой щеткой из-под ногтей въедливый темно-бурый грунт. Он тер пальцы и ладони с маниакальным усердием, словно пытаясь смыть усталость последних дней. Затем он долго выбирал, какой из редких экземпляров подойдет, как ему объяснила Божена, «для работы в кадре». Он перебирал стебли длинными, чуткими пальцами, избегая касаться хрупких венчиков. Наконец, один цветок, росший чуть поодаль от остальных, привлек его внимание. Лезвие садового секатора щелкнуло.

Огромный бархатный цветок на свету отдавал кармином. Не тем плоским кричаще-красным, характерным для рыночных букетов, а глубоким оттенком, похожим на запекшуюся кровь. Края лепестков, подернутые черной каймой, будто нарочно опалили огнем. Божена бережно взяла гвоздику из рук Виктора. Драгош нажал на «запись».

- Этот цветок… прекрасен, невероятен. Он завораживает. Как вам удалось добиться столь изумительного оттенка?

Особый полив? Грунт? – Божена с нескрываемым восхищением смотрела на темно-красные лепестки.

- Секрет всегда в почве. В субстрате, - Виктор осторожно забрал из ее рук цветок, - Растение берет из него суть. Обычная земля их убьет. Эти гвоздики растут на очень специфической смеси: торф, вулканический пепел, минералы…

Божена слушала Виктора, склонив голову набок. Внимание профи цепко фиксировало термины, но одновременно с этим ее занимало другое. От этого садовника веяло пугающим спокойствием. Божена безошибочно считывала мужчин: одни хотели казаться умнее, другие пытались за раздутым эго спрятать неуверенность, третьи без зазрения совести сканировал вырезы блузок. Виктор же смотрел иначе, словно оценивая глубинную совместимость с собеседником. Божена настороженно наблюдала за ним, сохраняя профессиональную улыбку. Она была ее броней, отработанной годами прямых эфиров на кишиневском телевидении. Но теперь мышцы лица начинали предательски, еле заметно подрагивать.

- Вы каждый год бываете не только на крупнейших выставках Европы, но и, насколько мне известно, удостоились гран-при в Осаке. К вам ведь приезжают коллеги? Не пытаются выведать секрет?

- Пытаются, - довольно усмехнулся Виктор, уголки губ слегка изогнулись, но серо-зеленые глаза оставались холодными. - Предлагают бешеные деньги за горсть земли. Кто-то даже пытался украсть комок почвы из-под корней, но фор-

мула бесполезна без катализатора. Без того, что делает почву живой.

- И что же это? – осторожно уточнила Божена, боясь спугнуть момент откровения.

- На то он и секрет, чтобы не рассказывать, - глядя на цветок и широко улыбаясь, заключил Виктор.

Драгош остановил запись и посмотрел на Божену. Ее щеки горели от ярости из-за несостоявшегося откровения в кадре. Оператор сочувственно подмигнул ей и начал сворачивать кабели. Закончив, он подошел к Виктору и протянул широкую, влажную ладонь.

- Надеюсь, вам удастся отстоять землю. Всего доброго!

Виктор крепко пожал ему руку и кивнул.

- Мне нужно час-полтора, обсудить с Виктором Александровичем детали по сбору средств, - торопливо произнесла Божена, не глядя на Драгоша.

- «Обсудить детали». Секрет не дает тебе покоя? Все понятно, - шепотом подначил ее Драгош, и громко добавил, - Я в монтажку! Освободишься – наберешь.

Глава 4.

Летний вечер перетекал в тягучие, словно липовый мед, сумерки. Воздух наполнял аромат придорожной акации и сладких лопнувших от зрелости абрикосов, лежащих в траве за забором. Виктор и Божена пили чай на веранде. Она экспрессивно, в деталях рассказывала о работе на телевиде-

нии в Кишиневе, гонке за эксклюзивом и вечном дефиците времени. Он размышлял о красоте увядания и деле жизни, которое создал в память о деде.

- Меня в его честь назвали, - Виктор мягко поглаживал длинными пальцами кулон, висевший поверх выцветшей черной футболки, в виде потемневшего от времени граната, оправленного грубым черненым серебром. - Дед прошел всю войну. Был в плену и чудом выжил. Когда вернулся, ничего не рассказывал ни бабушке, ни отцу. Когда он был при смерти, я сидел рядом… Он шептал о том, что там творилось, показывал шрамы, рассказывал, как они «экономили ресурсы», а человеческие жизни превращались в цифры. Мне было пятнадцать, но я все понял!

Из теплицы доносился запах влажной земли и еле уловимый аромат цветов. Волосы Божены отливали темной медью в закатном солнце. Вечерний мягкий свет подчеркивал высокие скулы и аккуратный курносый носик, который делал лицо Божены невероятно милым и немного детским. Оживленно жестикулируя, она увлеченно что-то рассказывала Виктору.

- Ямато-надэсико, - произнес он, пристально глядя на Божену.

- Что это значит?

- В европейских странах гвоздика часто ассоциируется с трауром… Но… в японской культуре все иначе. Ямато-надэсико – это метафора идеала женщины. Сочетание внешней

хрупкости, внутренней стойкости, преданности семье, - Виктор положил широкую, покрытую мелкими белесыми шрамами ладонь поверх изящных тонких пальцев Божены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.